

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.3.031
УДК 811.163.2*373.231 + 811.163.2*373.232.4 +
+ 811.135*373.231 + 81'22 + 81'42

И. А. Седакова
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

БОЛГАРСКИЙ АНТРОПОНИМ КАК (БАЛКАНСКИЙ) ТЕКСТ*

Болгарское имя собственное рассматривается как текст, как языковое, семиотическое, социокультурное и этнографическое «повествование». Автор исходит из того, что антропонимическое пространство в современной Болгарии — это живой организм, который постоянно развивается и модифицируется, сохраняя устойчивые архаические модели и добавляя новые. Анализ именослова показывает высокую степень проявленности балканских черт, регулярный параллелизм имен болгарских и заимствованных, активизацию общебалканских онимов и суффиксов. В антропоним «вписана» лингвистическая информация (этимология, народная этимологизация имени и ее лексикографическое отражение); семейные истории (нарратив об имянаренении, родовые имена, взаимосвязь имен родственников, друзей и близких; культурные, идеологические влияния, мода); церковные и праздничные аллюзии (именины). Лексикографическая интерпретация антропонимов отличается гипотетичностью и гибкостью, отражая тем самым открытость болгарского именослова, свободное отношение к имени, словотворчество, отсутствие маркированности имен, снятие семиотических оппозиций «свое — чужое», «мужское — женское», «старое — новое», «индивидуальное — коллективное», «тождество — разнообразие» и др. При этом отчетливо прослеживается представление о традиционности и необходимости «подновления» семейно-родового имени, которое восстанавливается при имянаренении новорожденных, будь то точная редупликация имени старших родственников, повторение

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-18-00365 «Семиотические модели в кросскультурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica» (<https://rscf.ru/project/22-18-00365/>).

первого слова или одной буквы из этого имени (*буквуване*) или комбинация частей имен двух или нескольких старших родных. Толерантность Болгарской православной церкви в вопросах выбора крестильного имени, свобода в определении дня его празднования усложняют текст антропонима, делая его прочтение своего рода детективной историей. Материалом для статьи послужили словари антропонимов, ономастические труды, а также многолетние наблюдения автора, интервью и полевые записи. Статья завершается примером прочтения текста женского имени на материале истории антропонима *Вая*.

К л ю ч е в ы е с л о в а: болгарская ономастика; родовые имена; имянаречение; именины; балканский языковой союз; текстология; семиотика; этнография имени собственного

1. Вводные замечания

Болгарский антропоним представляет собой многослойное языковое, семиотическое, социокультурное и этнографическое «повествование», сложно сплетенную ткань, которая в этой работе рассматривается как текст. Опираясь на идеи Ю. М. Лотмана и В. Н. Топорова, можно обозначить в болгарском имени такие идентичные тексту функции, как генерирование и приращение смысла, реконструкцию и восстановление культурной памяти; сам же болгарский антропоним содержит такие основополагающие для текста черты, как динамичность и внутренняя противоречивость [Лотман, 2002, 83; Топоров, 1984]. В болгарском имени просматриваются и отчетливые балканские компоненты, что неизбежно в силу вхождения языка и культуры болгар в балканский языковой и культурный союз. Для раскрытия этих аспектов в статье анализируется специфика болгарского имени и именослова; кроме того, имя характеризуется в контексте болгарской и балканской антропонимической традиции как знак и как носитель разноплановой информации — семейно-родовой истории, идеологических и культурных влияний, религиозных воззрений и пр. Выбор почти каждого имени для новорожденного сопряжен с разнообразными ассоциациями и семейными перипетиями, что явно или неявно отражено в антропониме — повтором имени старших родственников, сложной комбинацией слогов или даже одной буквой (*буквуване*). Отсутствие какого-либо видимого маркера в имени может предполагать наличие скрытых знаков — так, даже в самом ортодоксальном и «правильном» имени порой «зашифрованы» непростые семейные истории и конфликты, культурно-исторические и прочие ассоциации. В. Н. Топоров писал: «Во всех сферах духовной жизни человека — религиозной, провиденциально-профетической, спекулятивно-философской, художественно-эстетической, социально-общественной — роль имени не только велика, но по-особому отмечена, и то, что поддается учету и пересказу, образует лишь поверхностный слой той тайны, которая связана с именем. Но даже прикосновение к этому слою намекает и на глубину этой тайны, и на ту силу, которая от нее неотделима» [Топоров, 2005б, 380]. Это в полной мере относится к болгарским именам собственным, история которых вскрывает

текст, подобный детективу, и расшифровать его не так просто, как будет видно из примеров, приведенных в этой статье¹.

В предыдущих работах мы рассматривали болгарский антропоним с точки зрения дейксиса, когда имя собственное служит указанием на такие параметры, как лицо, место и время [Седакова, 2017]. Мы учитывали наличие этих параметров в имянаречении (как свершившегося факта, имеющего место в прошлом) и в праздновании именин (соотнесение с календарным временем, терминологией и семантикой церковных праздников и др.) [Там же, 39], и это была лишь часть исследования особого статуса болгарского имени, имени как текста. Текст включает в себя большее количество явных и скрытых фактов и несколько иную парадигматику и синтагматику, чем дейксис.

Словосочетание *балканский текст* апеллирует к тому обстоятельству, что болгарский язык входит в балканский языковой союз², соседствует с македонским, сербским, румынским, греческим, турецким языками, а на территории Болгарии немало зон би- и полилингвизма. Многие болгарские имена (в том числе имена прецедентные, а также топонимы, подвергшиеся трансонимизации [подробнее см.: Седакова, 2007, 107–108]) принадлежат общебалканскому антропонимикону, они известны и понятны всем балканцам. В болгарском языке немало заимствований из неславянских балканских языков, служащих синонимами славянским словам, которые сосуществуют как апеллятивы, а иногда и как имена собственные³; многие суффиксы, используемые для образования гипокористических имен, встречаются во всех балканских языках и легко узнаваемы в болгарском. Более того, на болгарской почве они служат основой для создания новых антропонимов.

Кроме языковой балканской общности, следует говорить и об общности культурной (этнографической, социокультурной) [см.: Цивьян, 1990], в том числе о патриархальной релевантности семейного имени в наследовании и в экономической деятельности (ср., в частности, в Греции [Herzfeld, 1982; Sutton, 1997]). Болгарская ономастическая традиция аккумулирует в себе балканские черты и развивает их в большей степени, чем традиции соседних балканских стран (ср. о других балканизмах, представленных в языке и культуре болгар в концентрированной форме [Седакова, 2007, 9]).

¹ Так, П. Михайлов, специалист по топонимике, никогда не занимавшийся антропонимией и всегда оговаривавший свои топонимические предпочтения в ономастике, был настолько впечатлен именем *Енгелсина*, что посвятил ему подробную статью [Михайлов, 2016].

² О формировании и особенностях балканского языкового союза с акцентом на место болгарского языка в нем см. [Асенова, 2002].

³ Антропонимы — апеллятивы по происхождению восстанавливают свою внутреннюю форму при имянаречении. Так, в с. Сеслав Шуменской области информант сообщил, что он получил свое имя *Друм* (< ‘путь, дорога’ < греч. δρόμος), поскольку родился *на пътя* (в дороге). Этот пример показателен и прозрачностью значения славянских и неславянских имен для болгар.

Изучение антропонима как (балканского) текста предполагает соединение собственно ономастики (формирование антропонимикона, заимствование и перевод имен, образование гипокористических вариантов и пр.) с этнолингвистикой, или этноономастикой (магические функции и народная этимология имени, принципы имянаречения и пр.), и социолингвистикой, или социоономастикой (маркированность имен, мода и др.).

Болгарская ономастика имеет богатую и длительную традицию — как исследовательскую, так и лексикографическую (в словарях публикуются обширные вступительные статьи) [Вайганд, 1926; Илчев, 1969; Ковачев, 1987; 1995; Заимов, 1994; Влахов, 1999; Иванова, Радева, 2005; Старева, 2006; Радева, 2019]. Этнолингвистический анализ славянских антропонимов представлен в работе Н. И. и С. М. Толстых [1998], специально болгарских — в трудах Е. Крыстевой-Благоевой [Кръстева-Благоева, 1999] и П. Воденичарова [1997]; отдельные аспекты этнографии болгарского имени собственного, его знакового характера, символики и «балканскости» освещены в наших публикациях [Седакова, 2007; 2017]. Социокультурные измерения современных болгарских имен (частотность мужских и женских антропонимов, мода, региональные предпочтения в выборе имен, тенденции в образовании имен и др.) подробно исследуются болгарскими лингвистами [Калканова, 1996; Ангелова-Атанасова, 2001; Банкова, 2005; Чолева-Димитрова, 2002; Влахова-Ангелова, 2017; Парзулова, 2021]⁴.

При изучении именованного болгар и специфики болгарских антропонимов необходим еще один методологический аспект — взгляд со стороны, сопоставительный анализ. Исследование «изнутри», когда носитель языка и традиции рассматривает их изолированно, не обращаясь к иноязычному материалу, значительно отличается от работ, в которых есть сравнительная оптика⁵. Особенно важен такой внешний ракурс при изучении славянских антропонимиконов с точки зрения семиотики и статуса входящих в них имен, а также особенностей употребления последних в ходе коммуникации. Так, русско-болгарские сопоставительные ономастические исследования ярко высвечивают специфику болгарского антропонимикона, в том числе актуализацию и реализацию различных семиотических оппозиций, их неодинаковое наполнение («свое — чужое», «новое — старое», «красивое — некрасивое», «традиционное — нетрадиционное», «коллективное — индивидуальное», «уникальное — повторяющееся» и др. [см.: Sedakova, 2015; Седакова, 2015]). Особенно очевидной является тенденция к снятию бинарного характера оппозиций и соединению двух отмеченных В. Н. Топоровым черт антропонимикона — коллективной и индивидуальной идентификации [Топоров, 2005а, 376].

⁴ За неимением места мы не даем полноценного анализа ономастических исследований и публикаций, отчасти с библиографией можно ознакомиться в [Чолева и др., 1993].

⁵ Изучение языков и культур «изнутри» и «со стороны» дает разную оптику, см. по этой теме материалы конференции «Балканские чтения» [2017].

Источниками материала для данной статьи послужили словари антропонимов и ономастические исследования, а также наши многолетние наблюдения, интервью и полевые записи. Антропонимическая система в современной Болгарии — это живой организм, который постоянно развивается и модифицируется, сохраняя устойчивые архаические модели и добавляя новые. Большой вклад в мою работу с болгарским именником внесли болгарские коллеги, которые делились историями своих имен и помогли мне организовать сбор материала, за что я им безмерно благодарна⁶.

2. Особенности болгарского именослова

Болгарский именослов впечатляет исследователя несколькими параметрами, которые неразрывно связаны между собой сложной причинно-следственной связью. Прежде всего, это многочисленность имен, причем имен активных, засвидетельствованных государственными органами регистрации в качестве паспортных. Исторически формирование болгарского именослова — это сплав языковых и культурных контактов населения Балканского полуострова, а также влияний различных по времени традиций, включая русскую дореволюционную и советскую. Практически каждое «чужое», заимствованное имя получает славянский перевод: *Иона — Гълъб, Виола — Теменуга, Анастасия — Възкресия, Евангел — Блавест, Севда — Любов* и др. В некоторых случаях допускается и перевод, и независимое создание болгарского имени из апеллятива, онимизация — с учетом традиционной веры в магическую силу имени, пожелательную или защитную: *Агата — Добра, Добриня, Блага, Благина, Блажка, Краса, Хуба, Хубана; Аглая — Светла, Сияна; Хриса — Златна, Злата, Златина* [Радева, 2019, 64–65]. При этом «чужое» имя, будучи по происхождению апеллятивом, нередко понятно носителю болгарского языка. Параллелизм и отмеченная двойственность в интерпретации имен (перевод или самостоятельное возникновение имени?) значительно усложняют текст и знаковый характер каждого антропонима (см. подробнее ниже).

Еще одним релевантным фактом болгарского антропонимического пространства следует считать вариативность имени собственного. В своей книге о греческих именах в именослове болгар Х. Симеонидис отмечает, что греческие по происхождению имена на болгарской почве меняются до неузнаваемости, развивают обширные группы гипокористик и задают основу для дальнейшего словотворчества. Так, греческое по происхождению имя *Константин* обретает на болгарской почве форму *Костадин* и может распадаться на две части — *Коста* и *Дино*, которые, в свою очередь, служат основой для последующего

⁶ Особенно благодарю К. Михайлову, Е. Анастасову, К. Колеву, М. Карамихову и Г. Мишева.

продуктивного имятворчества⁷ [Симеонидис, 2006, 15]. Адаптация заимствованных имен также чрезвычайно разнообразна. Ст. Илчев описывает ряд подобных процессов применительно к именам любого происхождения, упоминая усечение первой части, срединной, конечной и др.; удлинение имен с добавлением суффиксов (*-ин/а*, *-ан/а*, *-ян/а* и т. п.), кроме того, он описывает и многочисленные фонетические трансформации, отражение в антропонимах диалектных особенностей (*Вера — Вяра*) [Илчев, 1969, 22–24]. Атрибуция усеченного, трансформированного имени применительно к его «оригиналу» чрезвычайно затруднена, о чем пишут все ономасты⁸. Подробный анализ вариативности требует отдельного аналитического текста; подчеркнем, что любое модифицированное имя, в том числе уменьшительное, может служить и паспортным, и крестильным именем.

Разнообразие и открытость антропонимической системы в Болгарии отмечал известный болгарский лингвист Й. Заимов: «Болгарские имена собственные демонстрируют живое и творческое отношение болгар к их форме и значению» [Заимов, 1994, 7]. У многих имен нет фиксированной формы — это касается и славянских по происхождению, и заимствованных (балканских, западноевропейских и турецких) антропонимов: *Ангелина*, *Ангелица*, *Ангелка*, *Ангелина*, *Янгелина* [Радева, 2019, 73, 441]; *Люба*, *Любава*, *Любана*, *Любика*, *Любина*, *Любица*, *Любка*, *Любляна*⁹ [Иванова, Радева, 2005, 108]; *Севдалена*, *Севдалина*, *Севдана*, *Севдарина*, *Севделина*, *Севдена* (< ар.-тур. *sevda* ‘любовь’) [Илчев, 1969, 443–444].

Вариативность корня и суффиксов не всегда понятна без «прочтения текста» имени, т. е. без семейного нарратива. В наших записях немало историй, когда несовпадение одной буквы в имени человека с каноническим именем означает наличие некоторой интриги. Так, *Илеана* сообщила, что ее имя отличается от более распространенного *Илиана*, потому что родители хотели назвать ее и в честь деда *Илии*, и в честь бабушки *Елены* (вставив в имя внучки хотя бы одну букву — *Е*).

Состав болгарского именослова расширяется за счет того, что в нем наблюдается полный параллелизм мужских и женских имен. Чаще словообразование идет от мужского имени к женскому (*Юри — Юра*; *Петър — Петя*), но известны и обратные случаи: *Ирина — Ирин*, *Елена — Елен*¹⁰, *Катерина — Катерин*.

⁷ От *Дино*, как считается, образуются имена *Динго*, *Динко*, *Динчо*, *Диньо*, *Диной*, *Дина*, *Динга*, *Динка* и др.

⁸ Ср. пояснение к имени *Гина*: сокращенное от *Ангелина*, *Евгина*, *Гергина* и других подобных имен [Илчев, 1969, 133].

⁹ С учетом диалектной огласовки: *Либа*, *Либица*, *Либуша* [Иванова, Радева, 2005, 107].

¹⁰ Хотя Ст. Илчев пишет об образовании имени *Елен* от *Елена* [Илчев, 1969, 196], можно предположить, что это имя, означающее ‘Олень’, — пожелательное, что является типичным способом имянаречения у болгар. Так, Н. Ковачев допускает происхождение этого имени и от женского *Елена*, и от *елен* ‘олень’. Он добавляет интриги в текст этого имени, вставляя в словник отдельной позицией *Елен* как заимствование из французского [Ковачев, 1987, 90]. Непонятно, правда, как автор «Частотно-толкового словаря личных имен у болгар» смог подсчитать, что имен *Елен* от ‘олень’ — 18, а *Елен* из французского — 26 [Там же].

Подытоживая краткую характеристику свойств болгарского антропонимикона, приведем статистику с болгарского сайта имен, который демонстрирует открытость и постоянную пополняемость именованного: 20 марта 2022 г. на сайте зарегистрировано 3 152 женских и 2 488 мужских имен [Stratsimir]. Для сравнения: один из наиболее полных словарей русских имен содержит 2 600 мужских и женских имен [Петровский, 1980]. Словарь болгарских имен П. Радевой включает в себя 18 500 имен, при этом автор отмечает: «Читателю не следует ожидать, что он найдет в словаре буквально все имена. В нем отсутствуют так называемые уникальные имена (то есть единичные), а они составляют приблизительно половину всех имен, документированных до сегодняшнего дня в архивах, формулярах, словарях, справочниках, списках и в других источниках» [Радева, 2019, 9].

Многочисленность и вариативность болгарских имен тесно связаны с принципами имянаречения [подробнее см.: Илчев, 1969, 17; Кръстева-Благоева, 1999, 56–112; Седакова, 2007, 111–115]. Согласно одной из традиций¹¹, новорожденный ребенок именуется в честь деда или бабушки; если имя или какие-либо черты характера его старшего носителя не нравятся, оно может трансформироваться. Ст. Илчев называет такой способ создания имен «скрещиванием» (*кръстосване*) и в своем словаре приводит ряд примеров [Илчев, 1969, 26]. Почти в каждом имени мы можем обнаружить отсылку к имени бабушки или дедушки (а также других родственников, крестных или важных для родителей ребенка людей), идеологические¹² или другие ассоциации, позволяющие увидеть в имени текст. Обычно изменения — удлинение, сокращение имени, «вестернизация» — обусловлены социокультурными и другими фактами: модой на «свое» или «чужое», благозвучием, желанием родителей дать ребенку имя с определенным значением для развития соответствующих качеств или в целях меморизации какого-либо события, локуса и пр. Подобные модификации обычно составляют часть семейной истории и превращаются в повторяющийся нарратив.

¹¹ Именование в честь старших родственников в семье — важнейший принцип выбора имени у балканцев. Греки называют этот принцип «возрождением, воскресением» (*αναστάσις*) [Zarkias, 1998, 184], болгары — «подновлением» (*подновяване*); он призван обеспечить продолжение родовых имен — как отцовских, так и материнских. В некоторых регионах Болгарии распространено именование ребенка в честь его крестных родителей или по их желанию. Описание данного принципа выбора имени, особенно с учетом периода атеизма в XX в., когда детей крестили значительно реже, также требует отдельной публикации.

¹² В годы социализма в Болгарии идеологических имен было много, однако и их интерпретация нуждается в уточнении, ср. *Септември* ('Сентябрь', по месяцу восстания 1923 г.) — «мемориальное» имя, также оно может даваться мальчику, рожденному в сентябре [Радева, 2019, 362]. Из-за прозрачности болгарских имен собственных иногда трудно прочитать идеологическую составляющую в имени, в котором идеологические коннотации вторичны. Так, *Искра* может не иметь ассоциаций с большевистской газетой, в силу того что традиционных «огненных» имен в болгарском антропонимиконе немало: *Пламен / Пламена, Огнян / Огняна* и др. П. Радева характеризует это имя как пожелательное (девочке — для красоты) [Там же, 217].

Имятворчество и немаркированность имен в болгарском антропонимиконе усиливают значение подобных нарративов. Без информации о выборе имени можно только предполагать его этимологию, что отражено особой гипотетической модальностью в болгарской лексикографической практике: к примеру, Ст. Илчев указывает в статье «*Велмилия*» — «наверное <выделение мое. — И. С.>, от *Вела* и *Емилия*», а в статье «*Русадел*» — «возможно <выделение мое. — И. С.>, от *Руса* и *Дельо*» [Илчев, 1969, 105]. Таких случаев гипотетичности, с которой ономасты пишут о мотивации болгарских имен, огромное количество. Эти колебания находят отражение в том факте, что словари имен расходятся в интерпретации одного антропонима. Так, в имени *Любляна* Ст. Илчев усматривает «скрещение имен *Люба* и *Любляна*» [Там же, 310], т. е. он видит в имени *Любляна* исходное имя *Люба*, о чем без знания конкретной истории имянаречения уверенно говорить нельзя. Имя *Любляна* (с типичным диалектным фонетическим вариантом *Люблена*, а также с мужской формой *Люблян*) приводят и другие словари [Ковачев, 1987, 123]. П. Радева объясняет это имя как славянское — от *любити* [Радева, 2019, 263]. В любом случае мы можем предположить роль ассоциации со столицей Словении при назывании ребенка этим именем (с учетом частотности перехода топонима в антропоним и других типов трансонимизации). Мужское имя *Диан* трактуется как производное от *Диана* или как вариант имени *Деян* [Займов, 1969, 170], а это имена разные по происхождению (романское и славянское). В текст антропонима при его этимологизации включаются и балканские языковые контактные сближения, ср. мнение Ст. Илчева о том, что женское имя *Дрозда* образовано скрещением слав. *Грозда* и греч. *δρόσιά* ‘роса’ [Илчев, 1969, 185]. Й. Займов считает, что это имя является женской параллелью к мужскому *Дрозд* — по названию птицы [Займов, 1994, 98].

3. Статус и текст болгарского антропонима

Постоянное и многолетнее погружение в болгарскую языковую эмпирию и культуру приносит нам все новые свидетельства, что в Болгарии имена имеют иной статус по сравнению, например, с русскими. Если в России опорной точкой в трехсоставной антропонимической формуле служит фамилия, то в Болгарии — личное имя. Начиная с детского сада, в школе, вузах, на конгрессах и пр. алфавитные списки составляют по именам, а не по фамилиям. Многие отапеллятивные имена (отчасти потому, что они так разнообразны, нередко единичны и окказиональны, с прозрачной внутренней формой) воспринимаются «буквально», что типично для архаичных культур, и такое отношение сохраняется и в патриархальной, и в городской, интеллигентской культуре. Это проявляется и в выборе имени, и в его трактовке (субъективном «прочтении» текста), в акцентах болгарских именин, когда в центре празднования не ангел-хранитель и не святой-покровитель (если он есть, потому что большая часть имен не входит

в святцы), а антропоним. Поздравительные именные клише подчеркивают роль имени: *Да ти се чуе името!* «Пусть твое имя прославится!», *Да ти е честито името!* «Поздравляю с именем!», *Да носиш името си с гордост!* «Носи свое имя с гордостью!», *Да ти е живо името* «Пусть живет твое имя» и др. То, к какому дню православного календаря приурочены именины и с каким объяснением, очень важно для понимания текста имени. В 2010–2015 гг. нами было проведено анкетирование, целью которого было определить основные тенденции в выборе имени и в праздновании болгарскими именин, результаты см. в [Седакова, 2017, 41–44]. Из этого опроса и из других наших записей можно сделать вывод, что ономастическая традиция у болгар сочетает в себе две тенденции, которые отмечал В. Н. Топоров, — ту, что играет на разнообразии, и ту, что основана на тождестве [Топоров, 2005а, 376]. Это особенно проявляется в отмеченной выше стратегии именования в честь старших родственников. Многие болгары на вопрос «Есть ли семейная история о выборе вашего имени?» отвечают отрицательно, добавляя, что назвали их по традиции — в честь деда или бабушки. Таким образом, именование «родовое» является нормой, не требующей пояснения. При этом именование «в честь деда или бабушки» имеет порой очень сложные ассоциации, а преемственность имени у болгар получает разнообразные формы.

Действительно, иногда имя передается в неизменном виде (*Атанас, Димитър, Стоян; Мария, Стоянка*), однако намного чаще встречается трансформация имени. Фиксируются как незначительные изменения (*Цвета — Цветана, Цветан — Цветелин*), так и более заметные, например вестернизация или урбанизация «сельского» имени: *Петър — Пиер, Иванка — Ивет; Каро — Камелия, Димитрина — Даяна, Живко — Жаклин* и др. Преемственностью имени считается повторение одного слога или даже одной буквы (первой или любой другой) из имени деда или бабушки: *Веселка — Венета, Петър — Пенка, Ганка — Галина, Димитър — Данаил, Райчо — Румен*. Трансформация имени неизбежна при именовании младенцев с учетом пола — внучки в честь деда или внука в честь бабушки, в этих случаях изменения также могут быть более или менее значительными: *Петър — Петя* (внучка), *Мария — Марин; Асен — Александрина, Гиньо — Галена*. Нередко сюжет называния в честь деда или бабушки включает в себя важные детали. Так, *Цветка* сообщила, что ее назвали «по традиции», но (и это «но» типично для таких текстов) мать недолюбливала свекровь *Цвету* и немного изменила ее имя, добавив в него *к*; кроме того, имя без *к* ей казалось слишком холодным, официальным.

При выборе имени могут возникать конфликты между родными отца и матери, и распространенным способом снятия напряжения в семье является комбинация частей (звуков, слогов) нескольких имен: *Анисава* (*Анна* и *Сава*), *Ивелин* (*Иван* и *Елисавета*). Подобный способ меморизации старших родственников популярен в Болгарии; по меткому выражению этнографа П. Христова, это «болгарское ноу-хау», распространившееся во всех областях страны. Оно позволяет сочетать

стратегии сохранения традиционного семейного имени и при этом его индивидуализации.

В некоторых случаях связь с именами старших родственников установить без дополнительных объяснений информанта невозможно. Например, *Деница* рассказала нам, что она названа в честь деда и бабушки — *Костадина* и *Тодорки*. Оказывается, при выборе этого имени учитывались гипокористики (*Динко* и *Дора*), откуда взята первая буква *Д*.

Старшие родственники пытаются найти связь между своим именем и именем новорожденного, даже когда специально эта связь при выборе антропонима не обозначалась. *Леа* утверждает, что родители не называли ее в честь кого-либо, а бабушка *Линка* считает, что внучка названа в честь нее (из-за совпадения первого звука в именах). Некоторые коллизии трудно предугадать: так, *Диана* названа в честь бабушки *Димитрины*, а не деда, поскольку он отказался «дать» внучке свое имя, ибо ждал внука (о гендерных предпочтениях в родильной обрядности см. [Седакова, 2007, 228–229]). Другой пример из нашей полевой записи в с. Стакевци Белоградчикской области Болгарии (2001 г.) повествует о том, как дед *Марко* просил не называть внука своим именем, объяснив это тем, что так в их местности принято называть ослов. Нелюбовь к своему имени у старших родственников и просьба изменить это имя для внуков нередко служит объяснением трансформации антропонима при выборе имени для ребенка.

Свобода соотнесения имени и дня его празднования в Болгарии впечатляет исследователя, знакомого с именинами в России, так же, как богатство болгарского именованослова [Старева, 2006, 67–79; Седакова, 2017]. Пространство для создания и/или прочтения текста здесь необъятное, и это обусловлено во многом архаичностью болгарской традиционной культуры и своеобразием болгарского (народного) православия. Специфика болгарского имени, его статуса, семейно-родового ономастического контекста многократно усиливает творческий потенциал празднующих, тем более что у Болгарской церкви нет ограничений на крещение именами, которых нет в святцах. Поскольку, как мы показали, многие имена вторичны (модифицированы, сокращены или, наоборот, удлинены по сравнению с «оригиналом» — и связь с ним сомнительна), выбор дня для именин также очень свободный. Кроме того, именины в Болгарии — это не день ангела и не всегда день святого-покровителя; сам праздник носит нередко светский характер, его отмечают и атеисты, и представители других вероисповеданий (так, мусульманка *Севда*¹³ — ‘Любовь’ — празднует именины в день Веры, Надежды и Любви и матери их Софии, 17.09).

Проиллюстрируем на примере наших материалов некоторые аспекты, релевантные для анализа имени как текста. Прежде всего отметим «конкурирование»

¹³ Турцизм *севда* ‘любовь, любимый’ является общебалканским, он весьма частотен в фольклоре, где используется в качестве обращения к возлюбленной или возлюбленному.

имени индивидуального и традиционного, т. е. имени святого — покровителя семейства. Семейно-родовой праздничный комплекс (болг. *слава, светец, служба* [см. подробнее: Плотникова, 2012]) иногда перетягивает на себя именины. Так, *Веселин* не празднует именины, но почитает св. Николая, день которого остается семейно-родовым праздником. Семейная преемственность в праздновании именин — частое явление в Болгарии, и это отмечают информанты, особенно те, кто назван в честь бабушки или деда (даже таким именем, которое очень отличается от их имен): *Даяна* празднует именины в день св. Димитрия (26.10)¹⁴, как и ее бабушка *Димитричка*, а *Ния* — в день св. Николая (6.12), как и ее дед *Никола*. Обычно это отражает один из принципов подбора дня для празднования именин — совпадение первого звука имени святого и личного антропонима. Так, *Галена, Горан, Гергана* отмечают именины в день св. Георгия; *Ивелин* — на св. Иоанна Крестителя; *Веселин, Велко* — в день Василия Великого. Практика празднования именин обладателями видоизмененного имени святого, имени гипокористического в день его почитания по-прежнему очень распространена: *Тони* празднует именины на св. Антония (17.01), *Гатьо* — в день св. Игнатия (20.12). Пол в данном случае не играет роли: *Александрина* отмечает именины в день св. Александра Невского, *Стефка* — в день св. Стефана, *Петко* — в день св. Петки и т. д. Переводные антропонимы воспринимаются в паре с непереводаемыми: так, *Стоян* отмечает именины в день свв. *Константина* и *Елены* (*Стоян* считается болгарским соответствием *Константину* [Заимов, 1994, 124] и интерпретируется как «стойкий»). Славянские имена-апеллятивы, связанные с идеей огня и света (*Огнян, Светлин, Пламен, Искра, Светозар* и др.), соединяются с именем греческого святителя Фотия (греч. Φώτιος ‘Светлый’, день памяти 06.02) и т. д.

Эпитеты святого позволяют избрать день его почитания для празднования теми, у кого имена являются однокоренными с прилагательными или порядковыми числительными; так, в день Андрея Первозванного свои именины отмечает не только *Андрей* (и обладатели многочисленных производных имен), но и *Първан, Първана*.

В отличие от Русской православной церкви Болгарская церковь разрешает прихожанам отмечать именины и в праздники, что также добавляет интересные мотивы в ономастические тексты. Распространено приурочивание именин *Марии* к Успению или Рождеству Богородицы, *Йордана* — к Крещению (болг. *Йордановден*), *Анастасии, Велики* — к Пасхе (болг. *Великден*). Нередко основанием при выборе дня именин служат народно-христианские представления о празднике и этнографические реалии. Так, *Витана* отмечает именины на Пасху, поскольку в этот день пекут украшенные (*вити*) караваи. Праздник в качестве именин подбирается по совету священников и духовных лиц: *Вихра* (‘Вихрь’) считает своими

¹⁴ Даты указываются по новому календарю, как принято в календаре Болгарской православной церкви.

именинами Духов день, поскольку тогда Святой Дух сошел на землю в виде вихря, как сказала ей одна прихожанка. *Бояне* духовный отец посоветовал праздновать именины на Богоявление, *Светлане* — в Светлую среду на Пасхальной седмице и др.

И конечно, самым популярным днем для именин в Болгарии служит Вербное воскресенье (болг. *Цветница*), которое празднуется людьми с «цветочными» именами, поскольку подобных антропонимов или антропонимов, ассоциирующихся с флорой, в Болгарии очень много. Здесь также возникают неочевидные для исследователя тексты: *Ивета* трактует свое французское имя (мать была франкофонкой и читала Мопассана во время беременности) как связанное с ивой, а *Маргарита* — даже при наличии специального дня для ее имени (вместе со св. Мариной, 17.08) — соотносит свое имя с цветком маргариткой и празднует именины в Вербное воскресенье.

Такое свободное отношение болгар к выбору дня и церковного повода для празднования именин во многом соотносится с народно-православной интерпретацией праздников. Так, Рождество в качестве своих именин почитают *Радост*, *Христина*, *Мария*, *Кольо* (и другие имена на *К* — по народному хронониму *Коледа*), а Ивана Купалу (болг. *Еньовден*), кроме *Ивана* и обладателей многочисленных производных от этого имени, — *Биляна* (поскольку в этот день собирают *билки* ‘травы’).

Как видим, в праздновании именин сочетается «коллективное», «традиционное» (в случае семейных традиций празднования именин) и «индивидуальное» (при отсутствии или утрате таких традиций и самостоятельном подборе подходящего дня).

Итак, в тексте болгарского антропонима следует рассматривать:

- 1) информацию лингвистическую / ономастическую (этимология, народная этимологизация имени и особенности ее лексикографического отражения);
- 2) семейные истории и социальный контекст (нарратив об имянаречении, родовые имена, взаимосвязь имен родственников, друзей и близких; культурные, идеологические влияния, мода);
- 3) церковные и праздничные аллюзии (именины).

4. Вместо заключения: имя *Вая* как текст

В завершение проанализируем текст, связанный с одним недавним ономастическим фактом — именем девочки 2021 г. р. *Вая* (с учетом конкретной истории ее имянаречения и информации о родовых семейных именах¹⁵).

Вая — имя редкое, оно указывается не во всех словарях болгарских имен собственных, и всегда отмечается, что это заимствование из греческого. П. Радева

¹⁵ Благодарю коллегу В. Пенчева за информацию об имени его внучки и именах членов семьи.

пишет, что *Вая* происходит от греч. Κίριακή τὸν βαίον «Неделя ваий» ‘Вербное воскресенье’ (болг. *Връбница*), а болгарским соответствием этому имени служит *Върба*, *Върбица* [Радева, 2019, 111]. Подобную информацию приводит и Ст. Илчев, также указывая, что имя соотносится с греческим названием праздника и переведено (возможно, в период борьбы с заимствованными именами) на болгарский как *Върба*, *Върбан* и др. [Илчев, 1969, 16] (при этом Ст. Илчев считает, что *Върба*, *Върби*, *Върбан*, *Върбен* не являются образованиями от названий деревьев наподобие *Явор*, *Ясен*, *Яблен*, поскольку верба считается малоценным деревом). Образование имен от названий христианских праздников — явление на Балканах нередкое, причем могут сосуществовать славянские и греческие по происхождению имена, ср. *Благовеста*, *Благой* / *Евангелия* (от обозначений Благовещения); *Възкресия* / *Анастасия* (от имени Воскресения Христова); есть антропонимы и от народных хрононимов: *Врачана* — рожденная в праздник *Врачеве* (день свв. Космы и Дамиана, 14.11). Интересный случай представляет собой популярное в Болгарии имя *Йордан* от *Йордановден* ‘Крещение’ (по названию реки Иордан).

В словаре Н. Ивановой и П. Радевой имена *Вайо* / *Вая* считаются образованиями от греч. ‘ветка вербы’ [Иванова, Радева, 2005, 162]. При этом отмечается, что *Вая* может быть сокращенным гипокористическим вариантом имен *Василия*, *Възкресия* [Радева, 2019, 111].

Связь имени *Вая* с греческим контекстом, его «балканскость» ощущается болгарами: многие, услышав это имя, спрашивают, не греки ли родители девочки. Обращение к греческому дает неожиданный материал. Хотя в словарях болгарских имен собственных приводится одинаковая информация о связи имени *Вая* с греческим названием вербы и с Вербным воскресением, оказывается, что греч. βάρια имеет два значения, первое из которых (n., pl. t.) означает ‘ветви от разных растений или деревьев, главным образом лавра и финиковой пальмы, которые раздаются в церкви на Вербное воскресенье’, второе же (f., sg.) означает ‘лавр’ [DSMG]¹⁶. Таким образом, соотношение болгарских имен *Вая* и *Върба* оказывается весьма опосредованным, это не просто перевод с греческого на болгарский. Возможно, имя *Върба* возникало независимо от праздника *Връбница*, но мы допускаем, что оно не зависит от него, поскольку *Неделя ваий* («Пальмовое воскресенье») и, соответственно, зелень у болгар, как и у многих других христиан, с пальмой не связаны, а связаны с вербой и любой другой зеленью, приносимой в храм [подробнее см.: Седакова, 2010]. В церковнославянском языке **Ваїа** означает ‘ветви, преимущественно пальмовые’, а *Неделя ваий* — ‘цветоносная неделя, Вербное воскресенье’ [Дьяченко, 1900, 66].

Будучи греческим по происхождению, имя *Вая* в семейном контексте не соотносится с вербой и Вербным воскресением. Родители выбрали имя по названию

¹⁶ Благодарю за помощь в работе с греческим материалом О. В. Чёха.

озера и реки *Вая*, впадающей в Черное море в районе Бургаса (родные места матери *Vai*, регион Болгарии, традиционно населенный греками). Таким образом, в семейный текст имени вписан топоним, ассоциирующийся с малой родиной матери. Кроме того, как оказалось, соблюдается и традиция именованья ребенка в честь деда и бабушки. Буква *В* присутствует в имени бабушки (*Веслава*) по материнской линии и деда (*Владимир*) по отцовской. О семейной истории имени *Веслава* удалось получить дополнительную информацию: *Веслава* была названа в честь польской подруги матери (*Wiesława*), однако по удивительному совпадению (может быть, и неслучайно!) здесь восстанавливаются и закрепляются имена двух бабушек — *Величка* и *Слава*.

В свою очередь, дед *Vai* по отцу, *Владимир*, назван так родителями-русософилами, подобных имен в роду не было. Он родился, по его выражению, в «особенный день» — 1 января — и, по мнению членов семьи, должен был получить «знаковое» имя. Этим именем стало *Владимир* — в честь Владимира Маяковского.

Именины *Vai* будут отмечать в Вербное воскресенье, по устоявшейся в Болгарии связи этого греческого имени с вербой, хотя для семьи имя *Вая* соотносится с топонимом.

Итак, в тексте имени собственного соединяются семейные истории, нарративы, но вместе с тем это своеобразная (балканская) модель мира, отражающая место имени и его носителя в болгарском обществе. Имя собственное индивидуализирует человека и вместе с тем помещает его в контекст рода, семьи, а также в макросистему антропонимов с учетом отсылок к общеполитическому, общеславянскому, русскому и «советскому», западноевропейскому, православному (христианскому) фонду имен.

Источники

- Влахос С.* Энциклопедичен речник от Авгий до Яфет. Чужди собствени имена в езиковия свят на българите. София : Д-р Петър Берон, 1999.
- Дьяченко Г. (прот.)* Полный церковнославянский словарь. М. : Тип. Вильде, 1900. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavyanskij-slovar/3 (дата обращения: 28.10.2022).
- Заимов Й.* Български именник. София : Изд-во на БАН, 1994.
- Иванова Н., Радева П.* Имената на българите. Велико Търново : Абагар, 2005.
- Илчев Ст.* Речник на личните и фамилните имена у българите. София : Изд-во на БАН, 1969.
- Ковачев Н.* Честотно-гълковен речник на личните имена у българите. София : Д-р Петър Берон, 1987.
- Ковачев Н.* Честотно-etimологичен речник на личните имена в съвременната българска антропонимия. Велико Търново : ПИК, 1995.
- Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. 2-е изд. М. : Русский язык, 1980.
- Радева П.* Нов речник на личните имена у българите. София : Проф. Марин Дринов, 2019.
- DSMG — Dictionary of Standard Modern Greek. URL: https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/search.html?lq=%CE%B2%CE%AC%CE%B3 (дата обращения: 28.10.2022).
- Stratsimir. URL: <http://stratsimir.ex/> (дата обращения: 28.10.2022).

Исследования

- Ангелова-Атанасова М.* Личните имена у българите (1981–1990). Състояние и проблеми на съвременните български лични имена. Велико Търново : Унив. изд-во Св. Св. Кирил и Методий, 2001.
- Асенова П.* Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз. Велико Търново : Фабер, 2002.
- Балканские чтения — 14. Балканы извне и изнутри : тезисы и материалы / отв. ред. И. А. Седакова. М. : Ин-т славяноведения, 2017.
- Банкова П.* По името го познаха. Етноконфесионални аспекти на личното име в България. София : Промис ЕС, 2005.
- Вайганд Г.* Българските собствени имена. Произход и значението. София : Т. Ф. Чипев, 1926.
- Влахова-Ангелова М.* Актуални тенденции при выборе българими лични имена: исследование имен новорожденных в Софийской области // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 3. С. 52–71. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.3.022
- Воденичаров П.* Предци, предтечи, лични имена — прагматиката на даване име (За религиозното родство) // Предци и предтечи. Митове и утопии на Балканите / ред. И. Конев. Благоевград : Неофит Рилски, 1997. С. 192–210.
- Калканова Т.* Популярно ли е твоето име? София : Ун-т Св. Климент Охридски, 1996.
- Кръстева-Благоева Е.* Личното име в българската традиция. София : Проф. Марин Дринов, 1999.
- Лотман М. Ю.* К современному понятию текста // Лотман М. Ю. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Академический проект, 2002. С. 79–84.
- Михайлов П.* Женското лично име *Енгелсина* в българската антропонимия // Състояние и проблеми на българската ономастика. Т. 14 / ред. Т. Балкански. Велико Търново : Унив. изд-во Св. Св. Кирил и Методий, 2016. С. 143–156.
- Парзулова М.* Наблюдения върху личните имена на деца, родени в Бургас в периода 2013–2018 // Доклади от международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин» (София, 2021 година) / съст. С. Коева, М. Стаменов. София : Проф. Марин Дринов, 2021. Т. 1. С. 58–67.
- Плотникова А. А.* Слава // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М. : Международные отношения, 2012. С. 30–33.
- Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М. : Индрик, 2007.
- Седакова И. А.* Вербное воскресенье: растительный код и «цветочные» именины у болгар // Традиционная культура. 2010. № 6. С. 115–121.
- Седакова И. А.* Имя и имена у болгар: специфика болгарского антропонимикона // Материалы III Междунар. науч. конф. «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г.) / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 237–239.
- Седакова И. А.* Дейксис и языковые жесты в пространстве болгарского именослова // Балканский дейксис и балканские (языковые) жесты. Памяти Т. М. Николаевой / отв. ред. М. М. Макарецев. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2017. С. 38–51.
- Симеонидис Х.* Гръцкото влияние върху системата на българските собствени имена. София : Ах-Ба-Ка, 2006.
- Старева Л.* Български имена и традиции. София : Труд, 2006.
- Толстой Н. И., Толстая С. М.* Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М. : Индрик, 1998. С. 88–125.
- Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. М. : Наука, 1984. С. 227–284.
- Топоров В. Н.* Из теоретической ономатологии // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1 : Теория и некоторые частные ее приложения. М. : Языки славянской культуры, 2005а. С. 372–379.

- Топоров В. Н.* Имя как фактор культуры // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1 : Теория и некоторые частные ее приложения. М. : Языки славянской культуры, 2005б. С. 380–384.
- Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М. : Наука, 1990.
- Чолева А., Бечева Н., Кокаличева Р., Лазарова Л.* Библиография на българската ономастика (1971–1980). Велико Търново : Унив. изд-во Св. Св. Кирил и Методий, 1993. URL: <https://www.uni-vt.bg/bul/pages/?page=3861&zid=145> (дата обращения: 28.10.2022).
- Чолева-Димитрова А.* Наблюдения върху именуването в гр. София // Състояние и проблеми на българската ономастика. Т. 5 / съст. и отг. ред. М. Ангелова-Атанасова. Велико Търново : Унив. изд-во Св. Св. Кирил и Методий, 2002. С. 279–284.
- Herzfeld M.* When Exceptions Define the Rules: Greek Baptismal Names and the Negotiation of Identity // *Journal of Anthropological Research*. 1982. Vol. 38. P. 288–382.
- Sedakova I.* Bulgarian Personal Names from a Russian Point of View // *Balkanistica (USA)*. 2015. No. 28. P. 483–501.
- Sutton D.* Local Names, Foreign Claims: Family Inheritance and National Heritage on a Greek Island // *American Ethnologist*. 1997. Vol. 24 (2). P. 415–437.
- Zarkias C.* Names and Inheritance on the Island of Skyros // *Name and Social Structure. Examples from Southeast Europe* / ed. by P. H. Stahl. New York : Columbia Univ. Press, 1998. P. 179–193.

Рукопись поступила в редакцию 30.06.2022

СОКРАЩЕНИЯ

ар.-тур. арабско-турецкий

* * *

Седакова Ирина Александровна
 доктор филологических наук, заведующая
 отделом типологии и сравнительного
 языкознания
 Институт славяноведения РАН
 119334, Москва, Ленинский пр., 32а
 E-mail: ised@mail.ru

Sedakova, Irina Aleksandrovna
 DrHab, Head of the Department of Typology
 and Comparative Linguistics
 Institute of Slavic Studies of the RAS
 32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
 Email: ised@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9252-5407>

Irina A. Sedakova

Institute of Slavic Studies of the RAS
 Moscow, Russia

BULGARIAN ANTHROPONYM AS A (BALKAN) TEXT

This article considers a proper name as a text: as a linguistic, semiotic, sociocultural, and ethnographic ‘narrative.’ The author assumes that the anthroponymic space in modern Bulgaria

is a live environment which is permanently developing and transforming. The environment that retains archaic patterns while adding new ones, combining the tendencies for unification and individual diversification. The analysis of the name system shows a significant Balkan influence, multiple equivalents between Slavic and borrowed vocabulary, as well as the presence of all-Balkan names and common suffixes. Personal name as a text contains linguistic information (etymology, folk etymology, and its lexicographic representation); family stories (a narrative on choosing the name, kin names, interconnection of the names of the relatives and friends; cultural, ideological impact, fashion); and church and festive allusions (calendar name days). Lexicographic interpretation of anthroponyms is peculiar because of its suggestive modality, flexibility, creativity, absence of markedness, and the removal of semiotic binaries *us — them, male — female, old — new, individual — collective, sameness — diversity* etc. There is a strong loyalty to the tradition of keeping the family name which reveals itself in name-giving for the newborns: it might be a precise repetition of the name of the elders, or just one syllable or even a letter as part of this name, or a combination of parts of the names of two or several relatives (as a way of compromise). Bulgarian Christian Orthodox Church is rather liberal in terms of choosing the baptismal name and the day for its celebration which makes the text behind the name more elaborate, making it a true detective story. The research material is retrieved from dictionaries of personal names, published onomastic studies, author's interviews, observations, and field data. It is complete with a case study of reading the text of the female name *Vaia*.

Key words: Bulgarian onomastics; Balkan Sprachbund; text studies; semiotics; ethnography of proper name; name giving; name day; lineal anthroponyms

Acknowledgments

The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00365 *Semiotic Models in the Cross-cultural Space: Balcano-Balto-Slavica* (<https://rscf.ru/en/project/22-18-00365/>).

- Angelova-Atanasova, M. (2001). *Lichnite imena u bŭlgarite (1981–1990). Sŭstoianie i problemi na sŭvremennite bŭlgarski lichni imena* [Personal Names in Bulgaria (1981–1990. The Status and Problems of Contemporary Bulgarian Personal Names)]. Veliko Tŭrnovo: Univ. izd-vo Sv. Sv. Kiril i Metodii.
- Asenova, P. (2002). *Balkansko ezikoznanie. Osnovni problemi na balkanskiia ezikov sŭiuz* [Balkan Linguistics. Main Issues in Balkan Sprachbund Studies]. Veliko Tŭrnovo: Faber.
- Bankova, P. (2005). *Po imeto go poznakha. Etnokonfesionalni aspekti na lichnoto ime v Bŭlgariia* [They Recognized them by their Name. Ethno-confessional Aspects of Personal Names in Bulgaria]. Sofia: Promis ES.
- Choleva, A., Becheva, N., Kokalicheva, R., & Lazarova, L. (1993). *Bibliografia na bŭlgarskata onomastika (1971–1980)* [A Bibliography in Bulgarian Onomastics (1971–1980)]. Veliko Tŭrnovo: Univ. izd-vo Sv. Sv. Kiril i Metodii.
- Choleva-Dimitrova, A. (2002). Nabljudeniia vŭrkhu imenuvaneto v gr. Sofiia [Observations on Naming in the City of Sofia]. In M. Angelova-Atanasova (Ed.), *Sŭstoianie i problemi na bŭlgarskata onomastika* [Status and Problems of Bulgarian Onomastics] (Vol. 5, pp. 279–284). Veliko Tŭrnovo: Univ. izd-vo Sv. Sv. Kiril i Metodii.
- Herzfeld, M. (1982). When Exceptions Define the Rules: Greek Baptismal Names and the Negotiation of Identity. *Journal of Anthropological Research*, 38, 288–382.

- Kalkanova, T. (1996). *Populiarno li e tvoeto ime?* [Is your Name Popular?]. Sofia: Un-t Sv. Kliment Okhridski.
- Krústeva-Blagoeva, E. (1999). *Lichnoto ime v búlgarskata traditsiia* [Personal Name in Bulgarian Tradition]. Sofia: Prof. Marin Drinov.
- Lotman, M. Yu. (2002). *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on Semiotics of Culture and Art]. St Petersburg: Akademicheskii proekt.
- Mikhailov, P. (2016). Zhenskoto lichno ime Engelsina v búlgarskata antroponimiiia [The Female Personal Name Engelsina in Bulgarian Tradition]. In T. Balkanski (Ed.), *Sústoianie i problemi na búlgarskata onomastika* [Status and Problems of Bulgarian Onomastics] (Vol. 14, pp. 143–156). Veliko Tŭrnovo: Univ. izd-vo Sv. Sv. Kiril i Metodii.
- Parzulova, M. (2021). Nabliudeniia vŭrkhu lichnite imena na detsa, rodeni v Burgas v perioda 2013–2018 [Observations on Personal Names of Children Born in Burgas in 2013–2018]. In S. Koeva, & M. Stamenov (Eds.), *Dokladi ot mezhdunarodnata godishna konferentsiia na Instituta za búlgarski ezik "Prof. Liubomir Andreichin"* [Proceedings of the Annual International Conference of the Lubomir Andreychin Institute for Bulgarian Language] (Vol. 1, pp. 58–67). Sofia: Prof. Marin Drinov.
- Plotnikova, A. A. (2012). Slava. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 5, pp. 30–33). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Sedakova, I. (2015). Bulgarian Personal Names from a Russian Point of View. *Balkanistica (USA)*, 28, 483–501.
- Sedakova, I. A. (2007). *Balkanskie motivy v iazyke i kul'ture bolgar. Rodinnyi tekst* [Balkan Motifs in the Language and Culture of the Bulgarians. Native text]. Moscow: Indrik.
- Sedakova, I. A. (2010). Verboe voskresen'e: rastitel'nyi kod i "tsetochnye" imeniny u bolgar [Palm Sunday: "Botanical" Code and "Flower" Birthdays among Bulgarians]. *Traditsionnaia kul'tura*, 6, 115–121.
- Sedakova, I. A. (2015). Imia i imena u bolgar: spetsifika bolgarskogo antroponimikona [The Name and Names of the Bulgarians: The Specifics of the Bulgarian Personal Name System]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Materialy III Mezhdunar. nauch. konf. "Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiiia"* [Proceedings of the 3rd International Conference "Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology] (pp. 237–239). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Sedakova, I. A. (2017). Deixis i iazykovye zhesty v prostranstve bolgarskogo imenoslova [Deixis and Linguistic Gestures in the Bulgarian Name System]. In M. M. Makartsev (Ed.), *Balkanskii deixis i balkanskie (iaznykovye) zhesty. Pamiati T. M. Nikolaevoi* [Balkan Deixis and Balkan (Linguistic) Gestures. In Memory of Tatiana M. Nikolaeva] (pp. 38–51). Moscow: Institute for Slavic Studies of the RAS.
- Sedakova, I. A. (Ed.). (2017). *Balkanskie chteniia — 14. Balkany izvne i iznutri: tezisy i materialy* [Balkan Readings — 14. The Balkans from the Outside and from the Inside: Abstracts and Proceedings]. Moscow: Institute for Slavic Studies of the RAS.
- Simeonidis, Kh. (2006). *Grŭtskoto vliianie vŭrkhu sistemata na búlgarskite sobstveni imena* [Greek Influence on the System of Bulgarian Proper Names]. Sofia: Akh-Ba-Ka.
- Stareva, L. (2006). *Búlgarski imena i traditsii* [Bulgarian Names and Traditions]. Sofia: Trud.
- Sutton, D. (1997). Local Names, Foreign Claims: Family Inheritance and National Heritage on a Greek Island. *American Ethnologist*, 24(2), 415–437.
- Tolstoy, N. I., & Tolstaya, S. M. (1998). Imia v kontekste narodnoi kul'tury [The Name in the Context of Folk Culture]. In *Problemy slavianskogo iazykoznaniiia. Tri doklada k XII Mezhdunarodnomu súezdu slavistov* [Problems of Slavic Linguistics. Three Reports to the 12th International Congress of Slavists] (pp. 88–125). Moscow: Indrik.
- Toporov, V. N. (1984). Prostranstvo i tekst [Space and Text]. In T. V. Tsivyan (Ed.), *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and Structure] (pp. 227–284). Moscow: Nauka.
- Toporov, V. N. (2005). *Issledovaniia po etimologii i semantike* [Studies in Etymology and Semantics] (Vol. 1). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

- Tsivyan, T. V. (1990). *Lingvističeskie osnovy balkanskoj modeli mira* [Linguistic Foundations of the Balkan Worldview]. Moscow: Nauka.
- Vaigand, G. (1926). *Bŭlgarskite sobstveni imena. Proizkhod i znachenieto* [Bulgarian Personal Names. Origin and Meaning]. Sofia: T. F. Chipev.
- Vlakhova-Angelova, M. (2017). Aktual'nye tendentsii pri vybore bolgarami lichnykh imen: issledovanie imen novorozhdennykh v Sofiiskoi oblasti [Current Trends in the Choice of Personal Names by Bulgarians: A Study of the Names of Newborns in the Sofia Region]. *Voprosy onomastiki*, 14(3), 52–71. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.3.022
- Vodenicharov, P. (1997). Predtsi, predtechi, lichni imena — pragmatikata na davane ime (Za religioznoto rodstvo) [Ancestors, Forerunners, Personal Names — the Pragmatics of Naming (About Religious Kinship)]. In I. Konev (Ed.), *Predtsi i predtechi. Mitove i utopii na Balkanite* [Ancestors and Forerunners. Myths and Utopias in the Balkans] (pp. 192–210). Blagoevgrad: Neofit Rilski.
- Zarkias, C. (1998). Names and Inheritance on the Island of Skyros. In P. H. Stahl (Ed.), *Name and Social Structure. Examples from Southeast Europe* (pp. 179–193). New York: Columbia University Press.

Received on 30 June 2022